

чами являются законотворчество, реализация представительной функции народа Беларуси, закрепленной и гарантируемой Конституцией, как источника власти, а также обеспечение стабильности развития общества и государства в интересах соблюдения конституционных прав и свобод граждан.

Усиление роли Парламента через повышение значимости полномочий предопределяет возрастание его политической ответственности за правильность и результативность принимаемых решений, а также за состояние государственных и общественных дел. Именно Парламент призван создать правовые основы для надлежащей защиты национальных интересов белорусского государства, стабильности в обществе, повышения устойчивости и эффективности работы всех государственных органов и структур.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. – 2022. – № 2. – С. 14–23.
2. Керимов, А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А. А. Керимов ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 38 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
4. Сазон, К. Д. Конституционная модернизация в контексте обеспечения национальных интересов Республики Беларусь / К. Д. Сазон // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 23–29.
5. Чуприс, О. И. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О. И. Чуприс // Право.by. – 2022. – № 2. – С. 5–13.

Дата поступления в редакцию: 30.01.2023

УДК 342.72/.73

А. В. Топилина, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации
e-mail: spring6@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ МИНИМАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ДИСКУРСЕ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Анализируются антропологические основания прав человека. Акцентируется внимание на проблематичном характере формулировок Всеобщей декларации прав человека с учетом культурного релятивизма, а также на политической ангажированности оценок нарушения прав человека, что было продемонстрировано в случае с апартеидом. Формулируется авторское предложение о необходимости опираться вслед за О. Хёффе на принцип минимальной антропологии, основанный на признании взаимности свободы действий социальными и политическими индивидами.

Ключевые слова: минимальная антропология, права человека, Всеобщая декларация прав человека, апартеид, равенство, взаимность, уважение.

A. V. Topilina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
e-mail: spring6@yandex.ru

THE CONCEPT OF MINIMAL ANTHROPOLOGY IN HUMAN RIGHTS DISCOURSE

The article analyzes the anthropological foundations of human rights. This article turns the spotlight on the problematic nature of the wording of the Universal Declaration of Human Rights, taking into account cultural relativism, as well as on the political bias in assessments of human rights violations, which was demonstrated in the case of

apartheid. The author's suggestion about the need to rely, following O. Höffe, on the principle of minimal anthropology, based on the recognition of reciprocity of freedom of action of social and political individuals, is formulated.

Keywords: minimal anthropology, human rights, the Universal Declaration of Human Rights, apartheid, equality, reciprocity, respect.

С момента принятия 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ) обсуждение прав человека стало одной из популярнейших тем правового и философского дискурса.

С одной стороны, текст ВДПЧ предельно ясен и непротиворечив, с другой – в столкновении с конкретными культурно-историческими реалиями положения ВДПЧ оказываются спорными.

В ст. 1 ВДПЧ утверждается: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Очевидно, что разработчики указанного документа при подготовке текста опирались на европоцентристское универсалистское представление о человеке и его антропологических характеристиках. В данном случае утверждение о том, что все люди наделены разумом и совестью, может быть поставлено под сомнение: концепт «совесть» является порождением западной цивилизации и проблематично воспроизводится представителями примитивных обществ. Кроме того, совесть – способность оценить собственные действия с точки зрения общественной пользы и дать оценку своим поступкам в социальном контексте – «работает» в отношении равных. В частности, в некоторых религиях обман иноверца оценивается этически нейтрально, как и причинение ему иного вреда.

Совесть в западной культуре и христианстве, предоставляя человеку свободу выбора, возлагает на него полную ответственность за его последствия. В других религиях и культурах категория совести рассматривается применительно к социальным отношениям, которые регулируются иными механизмами.

Однако даже в среде европейцев-христиан идея равенства людей реализуется с оговорками: практика сегрегации (от лат. *segregatio* – отделение) существовала в Южно-Африканской Республике (ранее – Южно-Африканский Союз (ЮАС)) с 1948 г. (года принятия ВДПЧ) вплоть до 1994 г. Исторически ЮАС управлялся англичанами и голландцами – представителями европейской культуры и менталитета, носителями идеи совести, разума и достоинства. Однако именно ими был принят акт о регистрации жителей ЮАС, в рамках которого всем жителям ЮАС были выданы удостоверения с несмываемой печатью с указанием категории: «европеец», «темнокожий» или «цветной».

«Права разных групп отличались друг от друга. Самой жестокой дискриминации подвергались темнокожие жители ЮАС. Права индийцев и выходцев из Юго-Восточной Азии были шире, но и против них действовал ряд ограничений», – указывает научный сотрудник Института Африки РАН кандидат исторических наук А. Архангельская [цит. по: 1]. Интересно, что в современной Гайане, бывшей британской колонии, в удостоверениях личности также указывается принадлежность к расовой группе – «африканцы», «индийцы» или «смешанные». Однако в Гайане не закреплено формальное разделение прав.

Политика апартеида не происходила за закрытыми дверями. Страны, принявшие ВДПЧ, сознательно игнорировали нарушения прав человека в ЮАС (затем в ЮАР), который также состоял в ООН с момента ее образования. Связано это было с тем, что в период холодной войны официальная идеология и режим правления в государстве выходили на первый план, что позволяло игнорировать многие международные соглашения, включая реализацию прав человека. Главный научный сотрудник Института Африки РАН доктор исторических наук А. Урнов поясняет: «ЮАР при апартеиде была частью западного мира. Против республики вводились какие-то санкции, но в то же время западные страны щадили ее власти и не давали никому подорвать сам режим, опасаясь усиления Африканского национального конгресса (АНК) и южноафриканских коммунистов» [цит. по: 1]. В таком понимании совершенно закономерным было давление, оказанное на ЮАР после падения биполярного мира и отказа от опасений, связанных с ростом коммунистического движения.

Приведенный выше частный пример нарушения прав человека ставит исследователей перед вопросом: кто является носителем прав человека и кто такой человек в контексте защиты его

прав? Система сегрегации в ЮАС имела длительную историю и была закреплена законодательно в 1948 г. на базе уже сложившихся межрасовых отношений. Однако процитированное выше натуралистическое понимание прав человека, сформулированное в ВДПЧ, оказалось неработающим.

Таким образом, очевидно, что коренным вопросом в изучении прав человека является равенство, т. е. признание одних людей равными другим людям, причем не формально, а по существу.

Длительное время в истории народов и культур формировалось представление о своих и чужих, при этом в отношении своих нельзя было производить определенные действия, допустимые с чужими. В этой связи чужие маркировались определенным образом (гой, неверный, гринго и т. п.). В Древней Греции многие жители не считались не только гражданами, но и людьми. В частности, Аристотель считал рабов «говорящими орудиями». Сходные процессы происходили в период колонизации и рабства: европейцы-колонизаторы не считали, что коренное население имеет такую же человеческую природу. Так, в 1899 г. на Гаагской мирной конференции рассматривался вопрос о допустимости использования негуманного оружия – разрывных пуль и удушающих газов. Великобритания проголосовала против данного запрета, ссылаясь на опыт колонизации и напомнив присутствующим о том, что «дикари» – это не совсем люди. «Во время цивилизованной войны солдат, раненный небольшой пулей, отправляется в полевой госпиталь и не двигается дальше. С дикарем все иначе. Даже если в него попали дважды или трижды, он не перестает продвигаться вперед, не зовет медиков, но идет, идет и, прежде чем кто-нибудь успеет объяснить ему, что он грубо нарушает постановление Гаагской конференции, он отрубает вам голову» [3].

Следуя логике британцев, в отношении «дикарей» допустимы действия, которые недопустимы в отношении «цивилизованных европейцев», т. е. равных. Колонизация и колониальные отношения стали частью истории, но вопрос о реализации прав человека остается актуальным.

Очевидно, что для реализации исходного права на всеобщее равенство все люди должны считать всех других людей равными себе, т. е. людьми, что приводит нас к следующей проблеме – проблеме антропологии.

Идея и идеология прав человека исходит из посылки о том, что существует некий универсальный человек, который может стать субъектом и объектом такого права. Но существование человека вообще является проблематичным, поскольку невозможно выделить общие основания человечности. Если мы выделим моральную составляющую в качестве гуманизирующего фактора, то обнаружим, что люди разных культур и эпох имели разные, порой диаметрально противоположные представления о морали и запретах. Если мы выделим речь в качестве человекообразующего фактора, то окажемся во власти исключений – никто не может сказать, что глухонемые не являются людьми, как никто не может отрицать человеческой природы бушменов, чей язык похож на птичий клекот и щелканье. Наконец, животные также создают коммуникативные системы. Какова общая природа у сумасшедших, маргиналов, преступников и законопослушных работающих граждан кроме биологической? В вопросе о человеческой природе вопросов больше, чем ответов.

В конечном счете Папа Римский Бенедикт XVI в полемике с философом Ю. Хабермасом по поводу моральных оснований права отметил: «Не существует такой рациональной, этической или религиозной формулы, с которой согласился бы весь мир и которая могла бы затем служить для него основой» [6].

В попытке сформулировать универсальную идею человека, которая могла бы использоваться в доктрине прав человека, немецкий философ О. Хёффе предложил ввести понятие минимальной антропологии – минимальных неполных требований к людям, принципиального минимума, необходимого для того, чтобы служить основой понимания человека и основой для реализации его прав: «Поскольку мы знаем о способности действовать только от человеческих существ, мы можем связать эти интересы с новым типом трансцендентальной антропологии: учением о человечестве, которое не касается ни особенностей биологического видов, таких как прямохождение, несовершенство и беспокойство, ни с разнообразными способами стать совершенным человеком, такими как наука, искусство, дружба, великодушие и любовь. В отличие от (всеобъемлющей) биолого-философской антропологии, частичной и минимальной антропологии будет достаточно. Кроме того, в отличие от теории полноценной (то есть хорошей, возможно, даже завершенной) жизни, достаточно ателеологической антропологии: теории тех начальных условий человеческого бытия, которые содержат необходимые условия способности действовать» [7].

По мнению О. Хёффе, минимальные общие характеристики, которые объединяют людей, сводятся к тому, что люди должны обладать социальной и политической природой, а также должны осознавать, что являются одновременно жертвами и преступниками.

Последнее утверждение требует пояснения. Рассматривая такие базовые права человека, как право на жизнь и физическую целостность, О. Хёффе уделяет большое внимание принципу взаимности: «Соответствующее право человека существует не только потому, что у каждого человека есть интерес высшего порядка к жизни и здоровью, но и потому, что этот интерес может быть реализован только на основе взаимности: в рамках „системы взаимности“ каждый пользуется предоставлением других (отказ от силы и насилия), которое дается только при условии обратного предоставления своего собственного отказа от силы и насилия» [7].

О. Хёффе указывает на то, что ввиду общей опасности физического насилия возникает вопрос, предпочитает ли человек сохранять полную свободу действий и тем самым быть одновременно преступником и жертвой, или, скорее, отказаться от права на полную (частную) силу и, следовательно, избежать того, чтобы быть либо жертвой, либо преступником. Согласно первому принципу справедливости – порядку, основанному на правилах, – вопрос решается с помощью правила «и... и» или «ни... ни». Человек согласен быть и преступником, и жертвой или не согласен быть ни преступником, ни жертвой. «Хотя оба варианта характеризуются взаимностью, из-за их трансцендентного интереса к жизни и здоровью, каждый предпочитает „ни... ни“, а не „и... и“. Таким образом, человек отказывается от полной – или, лучше, дикой – свободы действовать, чтобы получить взамен условную свободу действовать, а также защиту жизни и здоровья» [8].

Подобное минимальное осознание того, что человек, обладающий социальной и политической природой, готов отказаться от полной неконтролируемой свободы в обмен на относительную безопасность при условии, что все члены общества сделают то же самое, является минимальным антропологическим представлением о человеке как субъекте прав человека.

При этом снова возникает методологическая проблема, связанная с содержанием понятий «социальная» и «политическая природа человека». Очевидно, что, исходя из представлений о социальности как следствии социализации, мы можем исключить феральных, а также психически больных людей. Следуя концепции минимальной антропологии, отсутствие способности на взаимность исключает данные категории из правоотношений в области прав человека. В таком случае права психически больных людей могут нарушаться. Например, в СССР отсутствовали законодательно закрепленные гарантии прав лиц с психическими расстройствами. Следствием данного подхода была серия нарушений прав человека, когда любой психиатрический пациент мог быть недобровольно госпитализирован без судебной процедуры по просьбе его родственников, начальника на работе или по указаниям районного психиатра. Это создало предпосылки для массовых злоупотреблений в области психиатрии, в том числе для подавления несогласных с политическим режимом [2]. Большой общественный резонанс произвел фильм М. Формана «Пролетая над гнездом кукушки» (1975), в котором были показаны злоупотребления и нарушения прав человека в американской психиатрической клинике. В Японии права душевнобольных также регулярно нарушались, ограничивались их присутствие в общественных местах и свобода передвижения [8]. Тем не менее в последние десятилетия уровень дискриминации психиатрических больных резко снизился, что стало следствием борьбы за их права в их естественном, а не позитивистском, договорном понимании.

В свою очередь, политическая природа человека также является дискуссионной [5]. Даже определив границы понятия «политический человек», необходимо сепарировать аполитичные социальные группы, например детей.

И поэтому О. Хёффе вводит вторую составляющую минимальной антропологии – способность быть жертвой и преступником. Если психически больные люди и дети могут быть жертвами нарушения прав человека, то могут ли они быть и преступниками, нарушителями прав человека? Таким образом, очевидно, что отсутствие возможностей, физической способности и умысла не позволяет в полной мере отнести указанные группы к преступникам. Следовательно, О. Хёффе, говоря о минимальной антропологии, имел в виду правосубъектных индивидов как ее носителей.

Итак, концепция минимальной антропологии по своей сути представляет собой договорную концепцию: люди добровольно соглашаются ограничить себя в свободах ради соблюдения прав. Указывая на социальную и политическую природу договаривающихся индивидов, имеется

в виду такой уровень развития общества, при котором люди достаточно социальны и политичны, чтобы осознавать диалектику личных и общественных интересов и рассчитывать на взаимность в осуществлении прав.

Следовательно, основа для реализации прав человека заключена не в государстве, а в самих людях. Немецкий философ Э. Тугендхат указывает на универсальность и моральную природу прав человека. Э. Тугендхат, как и О. Хёффе, указывает на принцип взаимности, прежде всего взаимного и равного уважения ко всем. Подобное отношение заложено в основе равенства и предполагает равное уважение интересов других людей. В обществе, где индивиды воспринимают друг друга как равные, реализация прав человека будет происходить естественным образом. В то же время, согласно Э. Тугендхату, государство, нарушающее права человека, не может быть легитимным [4].

Таким образом, реализация прав человека зависит не только от определенных действий государства по обеспечению указанных прав, но в большей степени от минимальной антропологии – готовности социальных и политических индивидов воспринимать других людей как равных себе и ограничивать свою свободу, ожидая такое же взаимодействие от других. При этом идея равенства должна лежать в основе социальных отношений, поскольку именно она формирует уважение и установку на соблюдение прав человека.

Список использованных источников

1. Князев, С. Узаконенный расизм. История апартеида в ЮАР [Электронный ресурс] / С. Князев. – Режим доступа: <https://www.quide-africa.ru>. – Дата доступа: 22.10.2022.
2. Лапшин, О. В. Недобровольная госпитализация психически больных в законодательстве России и Соединенных Штатов / О. В. Лапшин // Независимый психиатр. журн. – 2003. – № 4. – С. 53–60.
3. Тарасюк, А. Что такое права человека и что с ними делать? Гид по одному из важнейших понятий XX века [Электронный ресурс] / А. Тарасюк // НОЖ. – 2018. – 10 дек. – Режим доступа: <https://knife.media/club/human-rights/>. – Дата доступа: 22.10.2022.
4. Тугендхат, Э. Конфликт мнений по вопросу прав человека [Электронный ресурс] / Э. Тугендхат. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 22.10.2022.
5. Щеглов, И. А. Проблема определения понятия «человек политический» в современной российской политической науке / И. А. Щеглов // Общество. Экономика. Политика. Право. – 2018. – № 3. – С. 14–17.
6. Habermas, J. Pope Benedict XVI. The dialectic of secularization. On Reason and religion [Electronic recourse] / Jürgen Habermas, Joseph Ratzinger. – San Francisco, 2006. – Mode of access: <https://www.livelib.ru/autor/487286-yurgen-nabermas>. – Date of access: 22.10.2022.
7. Höffe, O. Democracy in an Age of Globalisation [Electronic recourse] / Otfried Höffe. – Mode of access: https://www.hrono.ru/biograf/bio_h/hoffeo.php. – Date of access: 22.10.2022.
8. Totsuka, Etsuro. The history of Japanese psychiatry and the rights of mental patients / Etsuro Totsuka // Psychiatric Bulletin. – 1990. – № 14. – С. 193–200.

Дата поступления в редакцию: 02.11.2022

УДК 342.7 + 343.8

*Д. В. Шаблинская, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: 3322982@gmail.com*

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Анализируются особенности влияния цифровизации и информатизации на конституционные права осужденных. Предложены направления оптимизации права на получение информации в контексте возможности использования осужденными к лишению свободы ресурсов глобальной компьютерной сети Интернет и информационных технологий при реализации права осужденных на личные или коллективные обращения в государственные органы, а также применения автоматизированной системы учета осужденных и защиты персональных данных, касающихся привлечения к уголовной ответственности.